

в альбоме Тромонина и относятся: 1) №№ 1122 и 1123, судя по цифрам, к 1628 или 1629 г.; 2) № 1162, судя по цифрам, к 1629 или к 1622 г., № 1212 — к 1636 г., № 1763 — к 1626 г., №№ 1170 и 1172 — к 1638 г.

Из подбора материалов в сборнике можно судить о социальном положении его владельца. Средняя, более ранняя часть сборника (листы 14—264) составлена, по всей видимости, монахом. Здесь помещены следующие материалы: „О покаянии“ (л. 20), „О пострижении и о начале иноческого жития“, так называемое „Старчество, или правила монашеской жизни“ (л. 23 об.), „Исповедание иноческое“ (л. 156). Другая группа статей в этой части также относится к культовой литературе.

Позднейший переписчик, кроме письмовника (в конце), добавляет сюда, в начало сборника, подобные церковные же материалы, например „Чин, како подобает кадило держати“ (л. 11 об.). Почерком второго владельца скреплены первые, позднейшие листы сборника; надпись по листам гласит: „Сия книга, глаголемая Старчество черного диякона (место с именем оторвано) Борисоглебского монастыря, что в Дмитрове на посаде“.

Нет основания искать конкретных автора и адресата данного послания; самый жанр послания здесь только имитируется своеобразным сатириком того времени. Однако „Послание дворительное“ отразило в своем тексте немало черт, типичных для общественных отношений своего времени.

Автор изображает себя человеком, который по своему общественному положению ниже адресата, находится в зависимости от адресата, но зависимость эта непохожа, например, на зависимость крестьянина от помещика. Ничего характерного для сельских феодальных отношений в „Послании“ нет, напротив, есть признаки городского происхождения „Послания“. Особенно существенно в этом отношении настойчивое употребление в „Послании“ местоимения „мы“ — множественного числа от лица автора во второй половине „Послания“. „У нас убежишь (строка 34), ...нам дай сроку... И мы, как здумаем, и тебе... пошлем... пожалуй к нам в гости... мы тебя не ждем... ворота запираем... А хлеб да соль у нас... на воротах...“ (строки 44—50). Вся социально-бытовая обстановка исключает здесь перенесение автором на себя позднейшей вежливой формы обращения множественного числа — „Вы“, с которой тогда не адресовались ни к каким вышестоящим лицам вплоть до патриарха или царя. Это „мы“ характерно для города, для посада, в котором „мир“ в XVI—XVII веках уже не представлял собой социально-однородного целого. Небольшая кучка богатеев держит в кулаке общину — „бедных и должных людишек“. Однако „мир“ трудовой части посада противопоставлял тогда себя всему остальному городу — беломестцам, соседним светским и духовным землевладельцам, а также государственной власти. Посадская община часто выступает в актах XVI и XVII веков как единое юридическое лицо,¹ и „мы“ в этом случае не обмолвка, не случайность в устах автора. Он пишет от имени коллектива социально-однородных членов трудовой части посада.

Самое название „Послания“ — „дворительное недругу“ указывает на пародийность его замысла. В нем выражено ироническое противоречие.

¹ См., например, в книге П. П. Смирнова „Посадские люди“ (т. I, Изд. АН СССР, 1947, стр. 253, 263, 271 и др.).